

ЯПОНСКИЕ КОЛОНИСТЫ В МАНЬЧЖУРИИ

КОНТРПАРТИЗАНСКИЕ ОПЕРАЦИИ (НЕВОЕННОГО ХАРАКТЕРА) ЯПОНСКОЙ КОЛОНИАЛЬНОЙ АДМИНИСТРАЦИИ 1931 — 1941 гг.

Виктор Алексеевич ГАЙКИН,
кандидат исторических наук

Японская армия, в сентябре 1931 г. вторгшаяся в Маньчжурию, сравнительно быстро разгромила регулярные китайские войска. Однако упавшее было знамя антияпонского сопротивления подхватили быстро формирующиеся партизанские соединения. Основные политические силы, под эгидой которых создавались иррегулярные соединения, — это китайские националисты и коммунисты, а также корейские националисты и коммунисты.

Развитию партизанского движения в Маньчжурии способствовали леса и гористый рельеф, кроме того — бедность значительной части населения и хунхузничество. Численность партизан доходила до 300000 чел., однако за 10 лет (к началу 40-х годов) Японии удалось практически полностью подавить сопротивление патриотов. Разумеется, основную роль в этом сыграла регулярная японская армия. Но кроме непосредственно карательных армейских операций японское командование большое внимание уделяло и невоенным формам борьбы с партизанами: изоляция партизан от населения путем строительства в партизанских районах больших охраняемых поселков, куда ссылали жителей мелких окрестных деревень; создание шпионско-террористических антипартизанских организаций из прояпонски настроенных жителей Маньчжурии; социально-экономические мероприятия по привлечению населения на сторону администрации.

Рассмотрим комплекс этих мер главным образом на примере корейского населения Маньчжурии, которое на 1931 г. составило около 800 тыс. чел. Корейская эмиграция в Маньчжурии всегда отличалась особой революционностью, что объяснялось прежде всего бедностью эмигрантов и репрессивной политикой китайских властей. Используя эти факторы, японская администрация пыталась «покровительствовать» корейцам для привлечения их на свою сторону. Так, 12 июля 1933 г. китайское управление полиции провинции Цзилинь (Маньчжоу-Го) опубликовало указ «О контроле за маньчжурскими корейцами». Министр иностранных дел Японии заявил: «Этот приказ Цзилиньского провинциального управления против корейцев и наделяет маньчжурские власти и полицейских на местах слишком широкими полномочиями. В результате местная полиция сможет, злоупотребляя этим указом, проводить репрессии против корейцев. Поэтому я серьезно протестую и прошу обратить на это внимание... нужно позаботиться о помещении в «Известиях провинциального

управления» исправленного указа или отменить этот указ. До инцидента (так японцы именовали оккупацию Маньчжурии японской армией. — **В.Г.**) полиция провинции Цзилинь в нарушение договора арестовывала многих корейцев, что вызывало серьезные осложнения между двумя странами. В наше время наблюдаются рецидивы таких случаев... и это не идет на пользу отношениям между нашими государствами» (3-262).

Случаи давления на корейцев наблюдались в 1934 г. в провинции Синьань. Японский консул сделал властям провинции замечание (13-432). Разумеется, «забота» японцев объяснялась опасениями, что указ даже в руках марионеточных чиновников станет орудием, направленным против использования корейцев для укрепления в Маньчжурии японских позиций.

В неофициальной этнической иерархии Маньчжоу-Го японцы считались гражданами 1-го сорта, корейцы — 2-го, а китайцы — 3-го сорта. Японцы получали рис, корейцы — рис и гаолян, китайцы — главным образом гаолян (1-38). Средняя заработная плата рабочих-китайцев (каменщики, штукатуры, плотники, чернорабочие и др.) составляла в провинции Ляонин 74 % заработной платы рабочих-корейцев (того же профиля), в провинции Цзилинь — 69 % (4-273). 20 ноября 1934 г. корейская газета «Ежедневный вестник Цзяньдао» поместила статью под заголовком «Обращаемся к коммунистам! Повернем к восточной доктрине Монро», призывавшую патриотов отказаться от борьбы. «Позиции корейцев в Цзяньдао (корейский национальный район в Маньчжурии. — **В.Г.**) будут укрепляться, их ждет процветание», — утверждал автор публикации (13-474).

После оккупации Маньчжурии японское правительство резко увеличило суммы, выделяемые на политический, экономический, идеологический контроль над маньчжурскими корейцами. Если в 1930, 1931 гг. было выделено соответственно 819 и 824 тыс. иен, то в 1932, 1933 гг. соответственно 1 млн. 733 тыс. иен и 1 млн. 783 тыс. иен в год (11-66). Много средств направлялось на борьбу с партизанским движением. Бюджет полицейского управления уезда Хунчунь, например, вырос с 60 тыс. иен в 1933 г. до 100 тыс. иен в 1934 г. (3-142). В 1934 г. расходы на полицию в бюджете Цзяньдао составляли 44 %. К весне 1935 г. в поселках Цзяньдао было создано 102 отряда самообороны численностью 2634 чел. для противодействия партизанам (10-661). Отдельные отряды самообороны, сочувствуя партизанам, снабжали их продуктами, боеприпасами, предоставляли ночлег. Членов отрядов за связь с партизанами расстреливали (1-39). На работу в полицию корейцев (в начале 30-х годов) брали неохотно, не доверяя им. Так, например, в марте 1935 г. в штате полицейского управления Цзяньдао числились 1127 полицейских-китайцев и только 344 — корейцев. В трех отдельных полицейских отрядах, дислоцировавшихся в уездах Яньци, Ванцин, Аньту, из 411 полицейских только трое были корейцами (10-661).

Большое внимание уделялось воспитанию корейских детей в духе лояльности японским властям. Для корейцев строились школы за счет средств японского правительства, «маньчжурского правительства» и корейских крестьян, плативших специальный налог. Школы снабжались учебниками, ввезенными в 1936 г. из Кореи в количестве 143 тыс. штук (11-72). В 1943 г. в Маньчжурии начальным образованием было охвачено более 172 тыс. корейских детей. Процент детей, поступавших в школу, увеличился с 29 % в 1936 г. до 74 % в 1943 г. и был выше, чем в Корее (2-91). С августа 1943 г. ввели военную подготовку корейских школьников.

Оккупация Японией Маньчжурии и два неурожайных года привели к резкому ухудшению экономического положения корейских крестьян. Доля крестьян-собственников в структуре сельского корейского населения Цзяньдао упала с 35,5 % в 1929 г. до 24 % в 1935 г., соответственно доля арендаторов и полуарендаторов возросла с 57 % до 66 % (14-758). Газета «Чжунхуа жибао» от 29 июня 1935 г. сообщала: «В связи с неурожаем в районе Цзяньдао... крестьяне ощущают большой недостаток провизии... целыми группами

уходят в партизанские отряды...» В полицейских документах отмечалось: «Пока голодают крестьяне, коммунистические партизаны не исчезнут» (12-112).

Японская администрация выдвинула пятилетнюю программу превращения арендаторских хозяйств Цзяньдао в собственнические. За 1932 — 1937 гг. удалось создать 2906 хозяйств-собственников, выдав им ссуды на покупку земли и другие сельскохозяйственные цели на общую сумму 1 млн. 677 тыс. иен (по 577 иен на двор) (7-90). Выдачей ссуд занималась «Восточноазиатская колонизационная компания», и нет нужды говорить, что все «облагодетельствованные» крестьяне попадали к ней в зависимость. С 1937 г. по 1942 г. было создано 8575 собственнических хозяйств. 1937 г. — 1513 хозяйств, 1938 г. — 1786, 1939 г. — 2851, 1940 г. — 1000, 1941 г. — 425, 1942 г. — 1000 (5-205).

Для контроля над сельхозпроизводством корейцев создавались кредитно-финансовые организации. В октябре 1934 г. таковых насчитывалось 28, ими было выдано ссуд на 2 млн. 900 тыс. иен (13-389). В июне 1936 г. уже 60 кредитных обществ занимались ростовщичеством в корейских районах Маньчжурии, сумма выданных ссуд — 6 млн. иен. 40 % корейских крестьянских хозяйств Маньчжурии пользовались услугами этих контор и зависели от них (11-75).

Основными формами партизанской борьбы в Маньчжурии стали разрушение железных дорог, нападение на небольшие армейские части и так называемые «коллективные деревни». Созданием «коллективных (стратегических) деревень» в районах дислокации партизанских отрядов японцы хотели достичь сразу нескольких целей: разорвать связи населения с патриотами, отделить крестьян от партизан для идентификации последних посредством создания нежилых зон, уничтожить источники снабжения партизан продовольствием. (Несколько десятилетий спустя этот опыт был использован американцами во Вьетнаме — «стратегические деревни»). В каждой «стратегической деревне» из лояльных японцам жителей создавался отряд самообороны для отражения нападений партизан. Такие поселки партизаны рассматривали как прямую угрозу их существованию. В Цзяньдао было 3518 мелких деревень с корейским населением численностью до 20 дворов каждая. В них проживали 26216 крестьянских семей. Всех их планировалось вселить в «стратегические деревни» (13-425).

В 1932 г. в Цзяньдао построили 12 таких поселков, в них вселили 850 семей беженцев. В 1934 г. планировалось создать в четырех уездах Цзяньдао 15 «деревень» по 100—200 дворов каждая. Партизаны пытались помешать строительству. С апреля по июль 1934 г. возводившиеся «стратегические деревни» 114 раз подверглись нападениям партизан. Кроме японцев строительством «коллективных деревень» занимались органы Маньчжоу-Го, утвердившие 3-летний план строительства 92 деревень, к октябрю 1934 г. 14 деревень было закончено (13-416).

При строительстве «стратегических деревень» крестьяне, оставлявшие прежнее место жительства, вынуждены были бросать и обработанные земли. В связи с этим резко возросло число крестьян-арендаторов, сократилась средняя площадь (на двор) возделываемой земли. В Дунбяньдао (территория Маньчжурии, прилегающая к р. Ялуцзян) японцы разрешали строительство на отдаленных полях временных хижин. Так, в уезде Цзиань (провинция Аньдун) крестьяне, чьи поля находились недалеко от «стратегической деревни», возвращались вечером домой. Те же, кто работал на дальних полях, жили во временных хижинах. На этот период им выдавались специальные документы (9-123). У крестьян при переселении в «коллективные деревни» резко увеличивались расходы, уменьшалось поголовье скота, количество сельхозорудий. Работа на строительстве «оборонных» сооружений отрицательно влияла на сельхозработы. Сами японцы констатировали, что «обнищание крестьян в результате строительства коллективных деревень стало обычным явлением» (9-125).

Переселяемым в «стратегические деревни» крестьянам власти выдавали ссуды. В Цзяньдао — по 70 иен, в провинции Аньдун — по 30 иен, в Цзили-

не — ссуды продуктами, рассчитанные на три года. Японцы пытались ограничить верхний предел арендной платы в «стратегических деревнях» на уровне 40 % урожая. Но контроль за этим осуществлялся только в Цзяньдао. К тому же, как отмечали сами японцы, «в период изменения экономической базы крестьянина и 30 %-я арендная плата нелегка для земледельца» (9-125).

Контроль над корейской диаспорой в Маньчжурии японцы пытались осуществлять через «общества корейских резидентов», сеть которых постоянно расширялась. В 1934 г. в Маньчжурии насчитывалось 34 отделения этой организации. В 1935 г. — 122 отделения с объявленным числом членов в 176 тыс. чел. (4-273). В 1934 г. 86 отделений общества получили помощь из японского бюджета в размере 138 тыс. иен (13-346). Регулярно собирались конференции «общества корейских резидентов». На 6-й всеманьчжурской конференции обсуждался бюджет организации на 1934 г., увеличение выдач низкопроцентных ссуд корейским крестьянам, организация отрядов самообороны, учреждение в Сяньдаугоу, Удаоугоу сторожевых отрядов для борьбы с партизанами (13-437).

Подрывная и идеологическая работа против партизан велась через «Минсендан», организацию, объединившую прояпонски настроенных корейцев, в основном землевладельцев и богатых крестьян. Члены этого общества, сотрудничая с японской полицией, внедрялись в партизанские отряды в целях шпионажа. Самый большой ущерб, нанесенный ими, был, как ни странно косвенным (шпиономания), всегда свойственная коммунистам и как следствие — массовые репрессии против китайского руководства КПК, против корейцев, которых заподозрили в сотрудничестве с японской разведкой. Были расстреляны десятки людей, в том числе лидер бывшей «Марксистско-ленинской фракции» компартии Кореи Хан Чин. Был изгнан и присоединился к националистам секретарь Восточно-Маньчжурского комитета КПК Ли Санмук. Бежал и сдался японцам командующий 2-й армией Чу Чин.

1 июля 1934 г. Восточно-Маньчжурский особый комитет КПК, видя решение проблемы в отстранении корейцев от руководящей работы, опубликовал в 1-м выпуске «Известий народа Северо-Востока» указание: «В прошлом (в Маньчжурии. — В.Г.) партия состояла в основном из корейских крестьян. Впредь следует принимать в партию главным образом рабочих и китайцев. При подборе руководящих кадров партии необходимо 70 % выдвигать из рабочих, а 30 % — из крестьян и интеллигентов» (13-464). Учитывая, что рабочих — корейцев членов партии в Маньчжурии было мало, это означало призыв к китаизации партии и ее руководства.

Во время чисток несколько сот корейцев бежали из отрядов, многие сдавались японцам. Пытаясь выправить положение, в феврале 1935 г. КПК провела совещание китайских и корейских лидеров с участием Вэй Чжэнмина. Было принято открытое письмо к корейским коммунистам, призывавшее их к сотрудничеству с китайскими товарищами (16-282). Несмотря на попытку сгладить происшедшее, этот инцидент негативно отразился на китайско-корейском сотрудничестве в антияпонском движении.

Преемником «Минсендана» стало «Хэпчжохве» («Общество сотрудничества») сочетавшее в себе функции шпионско-пропагандистского органа и вспомогательного жандармского отряда для борьбы с корейскими партизанами. Справиться с мобильными группами партизан только военной силой оказалось не просто. Необходимы были корейцы, хорошо знавшие местность и самих партизан. «Общество сотрудничества», созданное 6 сентября 1934 г. (9-176), имело следующую программу: «Калёным железом выжечь привнесенный извне коммунизм, укреплять японо-маньчжурское единство, организовывать ячейки общества в лагере антияпонских отрядов и коммунистов, осуществлять идейное руководство народными массами, бороться с подрывной деятельностью компартии, уничтожать корейцев-бунтовщиков руками самих корейцев» (9-170). По мнению японцев, основной целью деятельности общества являлось «уничтожение коммунизма».

На первое октября 1934 г. в Цзяньдао насчитывалось 1067 членов общества. Штаб находился в г. Яньци. Филиалы — в Бадаогоу, Чаоянгуане, Минюэгоу, Байцаогоу, Тунфосы (13-472). В мае 1935 г. общество насчитывало 4500 членов (8-526), в 1934 г. при нем был создан «Корейский добровольческий корпус самозащиты» численностью 95 чел. для непосредственного участия в боевых действиях против патриотов. В «корпус» набирались корейцы, либо враждебно относящиеся к партизанам, либо пострадавшие от них (богатые крестьяне, землевладельцы) в возрасте от 20 до 30 лет (13-472).

«Хэпчжохве» в 1934 г. провело две крупные операции против партизан. Первая проходила с 20 сентября по 3 октября в районах Минюэгоу, Тунфосы, Чаоянгуань, Байцаогоу, Иланьгоу и в других районах Цзяньдао. Вторая — с 6 по 16 октября. Участники распространяли листовки и клеветническую информацию, настраивая население деревень против патриотов. В результате подрывной деятельности «общества» до 1 ноября 1934 г. 354 партизана сдались властям (13-472).

Организация организационно делилась на ячейки и бригады. В сентябре 1936 г. насчитывалось 139 бригад и 792 ячейки. Целью ячеек было выявление на своей территории коммунистов и людей, связанных с партизанами, и пресечение попыток создания патриотических групп (9-172).

«Хэпчжохве» пыталось помешать процессу консолидации коммунистических сил и националистов, распространяя информацию, вызывающую раскол и конфронтацию между ними (9-175). Специально для этого была создана группа из 15 чел. под руководством военного жандарма унтер-офицера Сато. Членов группы засылали в партизанские отряды, где они создавали климат недоверия, подозрительности и розни. 25 мая 1936 г. в окрестностях г. Хэлун произошло столкновение между 20 партизанами крестьянского отряда с коммунистическими партизанами, продолжавшееся около часа (9-175).

Одной из главных целей «Общества сотрудничества» было склонить партизан к отказу от борьбы и добровольно сдаться в плен. В начале 1936 г. был разоружен отряд Ма Цаньдэ. В сентябре 1935 г. сдался в плен ответственный работник восточноманьчжурского особого комитета КПК, а в сентябре 1936 г. — командир первой дивизии объединенной антияпонской 2-й армии (район Тунфосы).

По заданию японцев общество занималось и шпионской деятельностью — устанавливались местонахождение партизан, связи с населением, планы боевых действий. На равнинах Цзяньдао общество организовывало сеть осведомителей, занималось и прямой ликвидацией руководителей коммунистических центров. Так, выяснив, что Восточноманьчжурский особый комитет КПК находился в Саньдаохэцзы, Шанфанцзы уезда Ванцин, отряд «Хэпчжохве» в феврале 1936 г. захватил 5 активистов комитета (9-173).

В декабре 1936 г. «Хэпчжохве» влилось в «Кёвакай» (общественно-политическая организация в Маньчжоу-Го, сочетавшая в себе элементы парламента и политической партии). В результате деятельности «Хэпчжохве» за два года сдались в плен 2255 партизан, арестованы 3207 патриотов, раскрыто 287 коммунистических ячеек, конфисковано 237 единиц оружия. Деятельность общества японцы оценили как «большой вклад в установление общественного спокойствия» (9-177).

«Хэпчжохве» действовало в основном в Цзяньдао и вело борьбу главным образом с компартией. Для борьбы с корейскими националистами провинции Ляонин была создана организация аналогичного типа. В ноябре 1934 г. отделение «Общества корейских резидентов» уезда Хуанжень провинции Ляонин собрало совещание своих районных представителей. На этой конференции было создано «Киольсокхве» («Общество сплочения»). Кодекс его члена гласил: «... Развивать самосознание корейцев как граждан японской империи, искоренять бунтовщиков, поддерживать политическую стабильность в регионе. Чле-

ны общества должны полностью порвать с Корейской революционной армией (основное боевое формирование корейских националистов в Маньчжурии. — **В.Г.**) и передавать информацию о ней чиновникам общества». Было издано воззвание, призывавшее партизан-националистов прекратить борьбу (13-439).

Многие из сдавшихся в плен партизан вновь возвращались к вооруженной борьбе. Это говорит о крайне неудовлетворительных социально-экономических условиях, жестокой эксплуатации народных масс в Маньчжоу-Го. Так, по данным полицейского управления провинции Биньцзян, из сдавшихся в плен в 1932 г. в девяти уездах района Хадун (главным образом китайцы-националисты и крестьяне-партизаны) 2580 партизан — 957 чел. (37 %) вновь ушли в партизаны. В 1933 г. из 564 — 487 (86 %), в 1934 г. из 397 — 53 (16 %), в 1935 г. из 3541 — 1497 (42 %). По мнению японских экспертов, легче всего сдавались крестьяне-партизаны. Партизаны-коммунисты сдавались редко, но к корейским коммунистам Цзяньдао это не относится, поскольку якобы у них «произошел поворот к лучшему в жизни» (9-180).

Таким образом, перманентные карательные армейские и полицейские операции в сочетании с вышеуказанными мероприятиями привели к тому, что осенью 1940 г. в Юго-Восточной Маньчжурии (основном районе действий корейских партизан) продолжили борьбу не более 400 патриотов (по всей Маньчжурии 1600 партизан) (15-26). Для сравнения — только полицейских-корейцев в Цзяньдао насчитывалось 4013 чел., членов отрядов самообороны-корейцев — 12376 чел. (6-2, 8). После 1940 г. вооруженная антияпонская борьба в Маньчжурии практически прекратилась.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андо Хикотаро. Яньбянь кико (Путешествие в корейский национальный район Яньбянь). Тоё бунка, 1964.
2. Дайдзюникай дзэнкоку рэнго кёгай тэйсюцу гиан бунсё сэцумэйсё, (Комментарии к проекту резолюции 12-й всеманьчжурской конференции общества «Кёвакай»). Б.м., 1944.
3. Дайккай дзэнкоку кэнсандзикан кайги гидзироку (Первая всеманьчжурская конференция уездных советников. Протоколы). Чанчунь, 1934.
4. Дзайман тэсэндзин гайкё (Положение корейцев в Маньчжурии). Чанчунь, 1936.
5. Мансю кайтаку нэнкан (Ежегодник колонизации Маньчжурии), Чанчунь, 1942.
6. Мансю кокунай бусо дантай тэсахё (Вооруженные формирования в Маньчжурии). Б.м., 1940.
7. Мансю ногё имин гайсёцу (Очерк сельскохозяйственных переселенцев в Маньчжурии). Дайрен, 1939.
8. Мансю нэнкан (Ежегодник Маньчжурии). Дайрен, 1936.
9. Мансю хидзоку то тиан тайсаку (Маньчжурские бандиты и политика умиротворения). Б.м., 1938.
10. Мансюкоку кэйсацу гайё (Обзор полиции Маньчжоу-Го). Мукден, 1935.
11. Нагаока Титаро. Кёкуто но кэйкаку то миндзоку (Перспективы Дальнего Востока и народы). Токио, 1938.
12. Паньши дзиммин какумэйгун (Народно-революционная армия Паньши). Б.м., 1936.
13. Сайкин Сина оёби Мансю канкэй сёмондай (Современные проблемы Китая и Маньчжурии). Б.м., 1934. Т. 2.
14. Сайсин Мансю тэйкоку дайкан (Современное положение Маньчжурской империи). Токио, 1937.
15. Сина оёби Мансю но тиан дзёкё 1941 (Общественный порядок в Китае и Маньчжурии на 1941 г.). Б.м., 1942.
16. Sun Dae Sook. The Korean Communist Movement 1918—1948. Princeton, 1967.

SUMMARY: In his article «Japanese Colonists in Manchuria» Candidate of Historical Sciences Victor Gaikin studies the problem of operations of the Japanese colonial administration against partizans in Manchuria in 1931—1941. After the occupation of Manchuria the Japanese government increased sums of money for political, economical and ideological control over Koreans in Manchuria. To a great degree all these measures aggravated the position of Korean peasants who developed partizans' movement.

The author analyzes the system of punitive army and police operations that practically put an end to the anti-Japanese armed struggle of Korean partizans in the region in autumn of 1940.